

* * *

Сторона – солона,
Но и отчая гарь горька,
Где ни камня на камне,
Ни на угольке уголька,
Где полынь да крапива
Хлопочут у очага
И плакучая ива
Ещё бережёт берега!

Отчий храм – невоздвигнутый –
Кровный нетленный прах,
Ох, и тесно же мне
На твоих четырёх ветрах,
То застывших,
То гнущих на раз-два-три
Белопамятных плит
Закалённо-стальные штыри!

* * *

Стань на дальнем краю степи,
Чтобы латами не слепить,
А сразимся – сомкнём края,
О, врагиня! – любовь моя.

А когда полыхнёшь плащом,
Хлынешь жаром с пунцовых щёк,
Я тебе прошепчу: «Ещё!»
И нагайкой ожгу коня...
Вот тогда не щади меня!

* * *

Уходит снег, тяжёл и чужд,
Так ожидаемо-внезапно –
Без хлипкой каши, долгих луж –
Единым необъятным залпом.

Рывком разбуженная твердь
Трепещет не от страсти пылкой,
Но каждой прошлогодней былкой
Свою отпугивая смерть.

А по ложбинам, где в снежницах
Живую влагу пили птицы,
Взойдут прощальные слова –
Степной подснежник – сон-трава.

* * *

*Бабушка, скажи, о чём
Лучшая твоя подруга,
Лоб уткнув тебе в плечо,
Плачет, нет, ревёт белугой?*

Ещё-не-девице, уже-не-деточке,
Едва рубежная мелькнёт верста,
Когтистым кречетом во плечи-веточки
Вопьётся яростная Красота.

И станут молодцы клониться травами,
Кудрями бряцая, запляшет свет.
Подруги верные отпрянут павами,
Старухи древние сплетут навет.

Вдруг перережут путь глаза угольные,
Качнётся волнами смолистый чуб.
Жгутом скатаются косицы вольные,
Лесным пожарищем повеет с губ...

* * *

А позже сильное в подвздошь дёрнется.
Ты закачаешься... И зыркнет мать!
Буграми вздыбится под вами горница,
И с воем жалобным вползёт кровать...

Заклятье мутное в стакан загылкает.
Рука родимая прикажет: «Пей!»
Ты запрокинешься в перо затылком и...
Заплот спасающий сорвёшь с цепей!

И в пляске бешеной изба закружится,
С Угла Угодники сойдут на круг,
Когда кровавая густая лужица
По-человечески заплачет вдруг...

* * *

Липкой метелицей всключен,
Колкой позёмкой лохмат –
Скалится с талых обочин
Загнанный март.

Чёрствую корку проспекта
Взяв в ледяные клыки,
Щурится в сторону света
И норовит под флажки...

Дистих

1
Дай мне сил удержать в неподвижном строю
Эту строгую стройную тяжесть мою
Невесомой надеждой на скорую боль,
Что от века рифмуется только с тобой!

Всё как в детстве: сдираешь коросты с колен
И наивно надеешься – переболел,
А на деле – сквозь розовый нежный покров
Проступает густая солёная кровь.

Сквозь белила привычной размеренной лжи
Проступает румяная жизнь!

2
Наш колодец исчерпан до вязкого дна,
До лоснящейся рыжей назойливой глины,
Но мне слышно, как стонет ночами вода,
Изнутри распирая глухие глубины,

Как базальтовый бархат подземных зеркал
И гудит, и пружинит в несметной натуге...
Он таит до надрыва всё то, что искал
Ты во мне.
И всё то, что извечно мы ищем друг в друге.

Как от прельщающих даров,
Я отрекаюсь от дорог,
Протянутых вдоль всех ширин
С неотвратимой целью – Рим.

Дорога – пагубная связь,
Плодящая из праха грязь.
Дорога – каменная цепь
Предателей, презревших степь,
Серебряную колывань
Разрезавших на Долг и Дань.

Сельское кладбище

1
Нет, мне здесь не жутко, не скорбно,
Не плакать мне хочется здесь,
А только холодные корни
Теплом напоить и зацвезть.

Здесь тихо и чинно, как в храме,
Трещат, словно свечи, сверчки
И дремлют кресты-прихожане
На волнах ковыльной реки.

Здесь мякоть душистой клубники –
Причастия тёплая плоть.
На снимках не лица, а лики.
И в синем зените – Господь.

2
Здесь я представляю, как прадед Кузьма
С любимым соседом Иваном
«Турецкое полечко» пели впотьмах
Над яром, поросшим бурьяном.

От их двухголосья, сплетённого в жгут,
Дрожал потревоженный воздух,
И степь замирала на том берегу,
И медленней падали звёзды.

Когда через реку смотрю на восток
До дальних густых лесополос,
То, как сквозь асфальт тополиный листок,
Во мне прорывается голос.